

Галина Омелина



Мажор

18+

Тюльпан для преподаши

Галина Омелина

Мажор. Тюльпан для преподаши

«Автор»

2026

Омелина Г.

Мажор. Тюльпан для преподши / Г. Омелина — «Автор», 2026

— Ты проиграешь, бро. Преподша тебе не по зубам. Друзья ржали, а у меня внутри закипала злость. Ставки в этом пари слишком высоки. Мне плевать, что она старше на четыре года. Плевать на её ребенка, мужа и семейные тайны. У меня завышенные амбиции и никаких тормозов. Я сделаю всё, чтобы она потеряла от меня голову. Если мой план удастся, её карьера и жизнь будут разрушены. И до недавнего времени меня это вообще не волновало... Пока игра не вышла из-под контроля.

© Омелина Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Ник. Ночные гонки	5
Глава 2. Ник. мы вам не мешаем?	8
Глава 3. Лада. Коса на камень	11
Глава 4. Лада. Ох уж, эти блинчики	13
Глава 5. Ник. Драка в клубе	16
Глава 6. Ник. Ваш выход, Лада Борисовна	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Галина Омелина

Мажор. Тюльпан для преподаши

Глава 1. Ник. Ночные гонки

— Удачи, брат! Не волнуйся, сегодня ты его порвешь, — Марик хлопает меня по плечу. Я ухмыляюсь и киваю. Конечно, порву. Даже не сомневаюсь в этом. Я всегда выигрываю. Ну, почти. Внутри привычное предвкушение победы, лёгкая дрожь в пальцах, пульс чуть быстрее обычного. Это не страх, это азарт. Это то, чем я дышу.

Ночь. Окраина города. Каждую неделю мы собираемся здесь. Нелегальные гонки, ставки на деньги или тачки. Воздух гудит от рева моторов, басы бьют по ушам, лучи света выхватывают из темноты силуэты людей и крутых машин. Парни в стильных худи и кожанках, телки в коротких юбках на высоких каблуках. Все мы здесь ради одного: скорости, драйва, адреналина.

Над головой чёрное небо в рваных клочьях облаков, между которыми мелькают редкие звёзды. Луны не видно и только свет фар да огни фонарей по обочинам трассы разгоняют густую тьму. В воздухе пахнет бензином, жжёной резиной и чем-то ещё, острым, волнующим, почти животным. Это запах свободы. Моей свободы.

Я стою возле своей Тойоты, небрежно прислонившись к капоту. Подбегает Лера, обнимает меня за шею.

— Готов, мой чемпион?

— Всегда готов, — отвечаю я, затягиваясь сигаретой.

Дым горьковатый, но я люблю этот вкус, он добавляет остроты ощущениям.

— Поцелуй на удачу?

— Конечно, крошка, — впиваюсь губами в ее губы.

Пора. Бросаю бычок на асфальт. Сегодня мой соперник — Юрка на черной Мазде. Гонщик он неплохой, так что заезд будет интересный.

— Что, Ворон, сто штук, как обычно? — он подходит ко мне.

— Без проблем, — я хлопаю его по плечу, — только не плачь потом.

Он усмехается:

— Еще посмотрим, кто будет плакать.

Самоуверенный гад.

Расходимся по машинам. Кладу руки на руль, сжимаю его ладонями, педаль газа отзывается на малейшее движение ноги. Двигатель урчит, словно голодный хищник перед прыжком. В салоне пахнет дорогой кожей и табаком. Я делаю резкий глубокий вдох и медленно выдыхаю. Спокойно. Всё под контролем.

Света поднимает флажки. Тишина. Секунда. Вторая. Время будто замедляется. Я слышу каждый удар своего пульса. Смолкает гул толпы.

Резкий взмах и мы срываемся с места.

Скорость. Адреналин взрывает кровь. Ночь летит навстречу, фары выхватывают разметку, повороты, деревья вдоль дороги. Я жму на газ, Тойота рвётся вперёд. Сердце хреначит так, что, кажется, вот-вот пробьёт рёбра, яростно отдаётся в висках глухими толчками. Ветер свистит в приоткрытое окно, запах жжёной резины смешивается с запахом тлеющих осенних костров.

Первая прямая, я впереди. Юрец держится вплотную, его Мазда рычит, будто пытается догнать меня одним рывком. Поворот. Я закладываю его на грани, колёса чуть не срываются в занос, но я держу машину, выравниваю, снова газ. Я чувствую свою малышку всем телом,

как она дрожит, как откликается на каждое движение. Это не просто металл и пластик. Сейчас это продолжение меня.

— Давай, детка, — шепчу я, чувствуя, как до предела напряжены все мышцы, — не подведи. Ещё чуть-чуть...

Вторая прямая. Мы идём нос к носу, я чувствую, как Юрка давит, пытается обойти. Его фары светят в зеркало заднего вида, словно глаза разъяренного зверя. Ещё один поворот, я снова выигрываю долю секунды, но он не отстаёт. Впереди финишная прямая. Я жму на газ до упора, двигатель ревёт, стрелка спидометра уверенно ползёт вправо.

— Ну же, давай! — я стискиваю зубы.

И тут он обходит меня! На последней секунде, на последних метрах его Мазда вырывается вперёд. Я вижу его задний бампер перед собой, вижу финишную черту, которую он пересекает первым.

— Чёрт! — я бью ладонями по рулю и останавливаюсь, визжа тормозами.

Выскакиваю из тачки, пинаю колесо. Злость бурлит внутри, застилает глаза. Как? Как я мог проиграть? В бешенстве сжимаю кулаки. Я ненавижу проигрывать. Это отвратное ощущение, будто кто-то выбил почву из-под ног. Мир вокруг теряет чёткость, остаётся только горячая, жгучая ярость.

Ко мне подбегают ребята:

— Забей, Ник, это всего лишь гонка!

Киваю, а внутри всё кипит. Я дышу тяжело, пытаюсь взять себя в руки.

Юрка подходит, улыбается:

— Сто тысяч, Ворон. Не забудь!

Я стискиваю зубы, смотрю ему в глаза.

— Помню, завтра скину на карту.

Он протягивает руку. Жму её, стараясь не выдать эмоций, хотя, думаю, у меня на лице все написано. Я проигрывал и раньше, но не так. Не на финишной прямой. И не Юре.

Оглушительная сирена, резкая, пронзительная режет ночь острым ножом.

— Полиция! Валим! — раздаются крики из бурлящей толпы.

Все срываются с мест. Кто-то прыгает в тачки, кто-то просто бежит в темноту. Я залетаю в Тойоту и завожу двигатель. Юрец машет мне на прощание с таким самодовольным видом, что мне безумно хочется дать ему в бубен. Жаль, времени нет. Его Мазда трогается с места и исчезает за поворотом. Марик седлает свой байк.

— До завтра, Никитос!

Жму на газ. Ночь, дорога, фонари, всё сливается в одну сплошную полосу. Сердце ещё колотится, злость не прошла, а все мысли уже о следующем заезде. Я жажду реванша и деньги здесь не главное.

Мчу по тёмному шоссе к загородному дому, колёса шуршат по асфальту, фары скользят по стоящим вдоль обочины деревьям. Внутри всё кипит. Досада, разочарование, обида — коктейль из эмоций бурлит в груди, сбивая дыхание.

— Сука, сука! — цежу сквозь зубы, глядя на приборную панель. — Подвела в самый неподходящий момент!

Машина виновато урчит мотором, будто оправдывается. Но мне не до сочувствия. Я сжимаю руль так, что костяшки пальцев белеют. В голове снова и снова прокручиваются кадры гонки: вот я впереди, вот Юра начинает обгонять, вот он пересекает финишную черту первым...

— Чёрт! — я бью ладонью по рулю.

— Ты слышал, как она со мной разговаривала?

— *Ник, успокойся!*

— *Успокоиться? Да я эту соску в порошок сотру!*

— *У меня есть идея получше, — знаю я эту хитрую ухмылку Влада, провокатор хренов, — соблазни ее.*

Соблазнить? А что, это идея, будет бегать за мной, как голодная сучка!

— *Ничего не выйдет, — авторитетно заявляет Марик, — тетя замужем.*

— *Спорим?*

Я уже завелся не на шутку, и теперь я должен выиграть это пари во что бы то ни стало!

Глава 2. Ник. мы вам не мешаем?

Подъезжаю к воротам особняка. Они автоматически разъезжаются в стороны, пропуская меня на территорию. Паркуюсь и иду в дом. Двигаюсь по темному холлу к лестнице, стараясь не шуметь, не хочу разбудить предков. Резкий щелчок, и ослепительный свет бьёт по глазам.

— И куда это мы так крадёмся?

Вздрагиваю и оборачиваюсь. Отец стоит в дверном проёме, руки скрещены на груди, взгляд тяжёлый, осуждающий. Ну, сейчас начнется.

— Ты знаешь, который час? Где ты был?

— Да так, тусили в клубе с пацанами, — небрежно пожимаю плечами.

— Знаю я эти тусовки. Опять нелегальные гонки? И как, выиграл?

— Проиграл, — бросаю я, не скрывая раздражения.

Отец хмурится, подходит ближе.

— На что ты тратишь свою жизнь, сын? Мне сегодня звонили из деканата. Пропуски, несданные зачёты, никакого интереса к занятиям. Ты вообще собираешься учиться?

— А зачем? — усмехаюсь я. — Твои денежки решат любую проблему.

— Рассчитываешь на мои деньги? — отец повышает голос. Держу пари сейчас он жалеет, что не лупил меня ремнем в детстве.

— А что такого? Разве ты работаешь не для того, чтобы обеспечить мое безбедное будущее?

— Прекрати хамить!

— Тогда избавь меня от своих проповедей! Свобода, батя, — главное завоевание человечества.

— Свобода и безответственность — это разные вещи, Никита!

Я закатываю глаза.

— Не начинай, а. Завтра поговорим, я спать хочу, — поднимаюсь по лестнице.

— Стой, я еще не закончил!

Чувствую, как отец свирепеет. И это он еще не знает, что завтра его счет в банке станет легче на сто тысяч, хотя по сравнению с миллионами, которые он зарабатывает в месяц, это фигня.

— Валер, не дави на него, мальчик устал, завтра поговорите.

Маман спускается вниз. Я целую ее в щеку. Спасительница моя.

— Это ты его избаловала, Юля! Носишься с ним, как с ребенком, а ему уже двадцать лет.

— Успокойся, дорогой, пойдем спать.

Матушка меня обожает, чем я, естественно, пользуюсь без зазрения совести. Оставляю ее успокаивать разъяренного папашу и иду в свою спальню. Я уже реально с ног валюсь от усталости.

Падаю на кровать и забываюсь беспокойным сном. Мне снится гонка, финишная прямая уже близко, и я снова проигрываю. Только на этот раз за рулём не Юра, а отец. Смотрит на меня и ухмыляется. Вздрагиваю и просыпаюсь в холодном поту.

Утром встаю и, первым делом, иду в душ. Протираю запотевшее зеркало, смотрю внимательно на свое отражение. Вид, конечно, уставший, но вполне сносный. Бриться лень, хоть Лерка и не любит мою щетину. Но по большому счету мне плевать, недостатка в телках я не испытываю, да и утомляет она меня в последнее время.

Захожу в приложение банка и перевожу Юрке сто штук. Надеюсь, в следующие выходные они вернутся на мой счет.

Одеваюсь и спускаюсь вниз. Из кухни доносится аромат свежесваренного кофе. На столе тосты из цельнозернового хлеба с красной икрой и овсяная каша, матушка просто помешана

на здоровом питании. Дома у нас исключительно диетические продукты. Наверное, ее хватит удар, если она однажды узнает, что по вечерам я в невероятных количествах поглощаю пищу и роллы, а отец по субботам уплетает шашлык и жареные колбаски на рыбалке с друзьями.

— Доброе утро, сыночек.

— Привет, ма, — целую ее в щеку.

— На занятия сегодня поедешь?

— Да, ко второй паре.

— Жаль не к последней, — в дверях появляется хмурый отец.

— Дорогой, не порть всем аппетит.

— Значит так, Никита, я решил ограничить твой лимит по карте до ста тысяч в месяц.

Я чуть не поперхнулся.

— Ты серьезно, пап? И как мне жить на эти деньги?

Да я за вечер в клубе тридцатник оставляю! А бензин, шмотки, ставки?

— Приятного аппетита! — кидаю ложку, встаю из-за стола в бешенстве и иду к двери.

Совсем старик из ума выжил!

В холле меня догоняет маман и обнимает.

— Не переживай, сынок, я поговорю с ним.

Уф, прямо отлегло от сердца. Отец в маме души не чает, так что не сомневаюсь, что мне удастся сохранить привычный уровень комфорта.

В универе жизнь бьет ключом. Марик с Владом встречают меня возле аудитории.

— Привет, Ник, ты чего на первой паре не был?

— Еще я на историю искусств не ходил, что там делать? Со скуки сдохнуть?

— Это ты зря, — ухмыляется Марик, — у нас новая преподаша, такая цыпочка, пушка просто.

— Молодая что ли?

— Лет двадцать пять, не больше.

— Ладно, схожу как-нибудь, чекну, на что вы там слюни пустили.

Заходим в аудиторию, садимся в последнем ряду. Я привычно закидываю ноги на соседний стул. Монотонный голос Анатолия Степановича звучит гулким эхом в просторной аудитории. Меня клонит в сон. Марик толкает локтем в бок:

— Куда пойдем сегодня? Может в Ауру?

— У нас же в Маяке вип-зона забронирована, забыл?

— Точно!

— Харе бухать, Марик, а то маразм накроет тебя раньше твоего папаши.

— Молодые люди, мы вам не мешаем?

Анатолий Степанович смотрит на меня так, будто я не сын владельца строительной компании, а какойто первокурсник, который забыл дома тетрадь.

— Нет, что вы, можете продолжать.

— Вот что я скажу вам, Воронов, если вы рассчитываете, что диплом вам выдадут за красивые глаза и известную фамилию, то глубоко ошибаетесь, я лично позабочусь о том, чтобы...

— А вот, что я вам скажу, если бы мой отец не спонсировал этот сраный универ, здесь бы уже давно все развалилось к чертовой матери, так что на вашем месте я бы сто раз подумал, прежде, чем разговаривать со мной в таком тоне.

Препод багровеет.

— Немедленно покиньте аудиторию!

— С удовольствием.

Выхожу в коридор, Марик с Владом бегут за мной.

— Ты чего, на Степаныча агришься, нормальный же мужик?

— Душила! Учить он меня будет, а то мне отца мало. Ладно, поехали в боулинг, шары погоняем.

Глава 3. Лада. Коса на камень

— Ладочка, солнышко, Кирилл прав, ну зачем тебе работать?

И мать туда же. Сговорились? Сто процентов это муж вызвал ее на подмогу.

— Мам, я не для того училась пять лет, чтобы стать в итоге домохозяйкой.

— Попробуй креветки, очень вкусно.

— Не хочу, аппетита нет.

Мать обожает ходить в рестораны и заказывать самые дорогие блюда. Кирилл снабдил ее картой с неограниченным лимитом и теперь он для нее любимый сын, а я неблагодарная дочь, которая рвется на работу вместо того, чтобы просиживать целыми днями в салонах красоты и блистать на светских мероприятиях, которые я ненавижу.

— Ну скажи, чего тебе не хватает? Кирилл на руках тебя носит, в дочери души не чает, это же просто глупо. Твоя обязанность обеспечивать мужу комфорт, он столько работает, чтобы мы ни в чем не нуждались.

— Особенно ты.

— Да, представь себе, я тоже хочу на старости лет пожить по-человечески. Если ты помнишь, после смерти твоего отца я на двух работах пахала.

— Прости.

— Только благодаря Кириллу ты смогла закончить институт.

— Интересно для чего? Чтобы варить мужу борщи?

— И не только борщи. Да мы на него молиться должны, он фирму отца из дерьма вытащил, когда тот ее почти до банкротства довел из-за своего пьянства.

Что ж, здесь она права, папа совсем забросил бизнес. Кирилл выкупил у него контрольный пакет акций фирмы незадолго до его смерти, обстоятельства которой, кстати, до сих пор остаются невыясненными.

Охранник нашел отца мертвым в собственном кабинете поздно вечером, когда мать оборвала все телефоны, пытаясь до него дозвониться. Официальная версия следствия — отравление метиловым спиртом. Тогда она казалась вполне разумной, учитывая сколько он пил в тот год.

И только СМС от папы, которое я получила в день его смерти долгие годы не дает мне покоя. Деньги от продажи акций мы тоже так и не увидели, дело было закрыто и я уже не помню почему.

Я тогда заканчивала школу, потом сразу поступила в архитектурный, на бюджет, но матери все равно приходилось несладко. Она работала в регистратуре поликлиники, а по вечерам мыла там полы, чтобы хоть как-то сводить концы с концами.

Кирилл появился в нашей жизни сразу после похорон, сказал, что за многое благодарен отцу и начал потихоньку помогать, а потом и ухаживать за мной. Не знаю, можно ли назвать любовью то, что я к нему чувствую, но с моих восемнадцати лет он всегда был рядом и я уже не представляю свою жизнь без него.

Потом была красивая свадьба, переезд в новый большой загородный дом, рождение дочери. Возможно, для кого-то этого достаточно для счастья и я неблагодарная эгоистка, как иногда называет меня мать, но мне мало быть только приложением к богатому мужу. В конце концов, у меня есть амбиции. Я тоже хочу состояться в жизни, защитить диссертацию, сделать карьеру.

Недавно завкафедрой Анатолий Степанович, давний друг отца позвонил мне.

— Ладочка, у меня освободилась должность ассистента, как ты смотришь на это?

Как я смотрю? Да я от радости чуть не до потолка прыгала, такие перспективы, но муж, а за ним и мать спустили меня с небес на грешную землю. Кирилл даже удивил меня своей категоричностью: никакой работы, занимайся домом и ребенком.

Вот тут-то и нашла коса на камень и если до этого мы жили достаточно спокойно и почти не ругались, то теперь в нашем доме ежедневные скандалы. И мать, конечно, на его стороне. Я ее понимаю, не хочет ссориться с нашим благодетелем, но как же мои желания? Почему никто не спросил чего хочу я?

— Мам, я же буду работать неполный день, возьму несколько пар.

— Доченька, это все равно огромная нагрузка, подготовка к лекциям, проверка заданий. А это время, которое, между прочим, ты могла бы потратить на семью.

— Я достаточно времени уделяю семье, да пойми ты, я хочу работать, хочу чего-то добиться в этой жизни.

— Какая же ты упрямая, вся в отца!

— Ладно, мне пора в садик за Аришей, ты едешь домой?

— Нет, я приеду на такси, — мать обиженно поджимает губы и жестом подзывает официанта, — принесите мне бокал Шабли.

Я выхожу из ресторана и сажусь в машину. Эти бессмысленные разговоры просто сводят меня с ума. Я все равно поступлю по-своему. Ну кому помешает то, что я буду работать несколько часов в неделю? Убирает в доме приходящая горничная, а забирать дочку и готовить ужин я все равно буду успевать.

Аришкина группа на прогулке, захожу в ворота.

— Мама! — она несется ко мне со всех ног.

— Тише, доча, не упади, — я подхватываю ее на руки и целую в сладкую щеку, измазанную яблочным соком.

— Смотри, что я нарисовала, это ты, а вот это папа.

— А это что за девочка с двумя хвостиками?

— Это же я, не узнала что ли? — она смеется.

Ко мне подходит воспитательница.

— Добрый вечер, Лада Борисовна.

— Здравствуйте, Наталья Сергеевна.

— У нас в пятницу утренник, не забудьте.

— Хорошо.

Дома нас громким лаем встречает лабрадор Чарли, Аришка заваливается с ним на диван и включает мультики.

— Что приготовить на ужин?

— Сырники!

— Сырниками сыт не будешь, особенно папа, может, мясо по-французски?

Моя малышка морщит носик.

— Не хочу.

— Ладно. Сделаю и то, и другое.

Иду на кухню. Готовлю любимые Кириллом блюда, попробую поговорить с ним еще раз. За ужином муж рассказывает последние новости, а я ерзаю на стуле и думаю о том, как начать разговор.

— Ладочка, мясо сегодня изумительное.

— Спасибо, Кирюш, — я беру его за руку.

— Если ты опять насчет работы, то мой ответ: нет.

— Да почему, черт возьми! — я моментально вскипаю, — у меня уже нет права голоса в нашей семье?

Глава 4. Лада. Ох уж, эти блинчики

— Ариш, пора спать, детка.

— Спокойной ночи, папуль, — она бежит к Кириллу и целует его в щеку.

— Сладких снов, моя принцесса.

Подхватываю дочку на руки и иду наверх, оставляя мужа заканчивать ужин в одиночестве.

— Почитаешь мне сказку? — спрашивает Аришка, натягивая задом наперед пижаму с мишками.

— Подожди, милая, не так, — я поправляю байковую кофточку. — Какую сказку ты хочешь?

— Про братца Лиса и братца Кролика.

Моя старенькая любимая с детства книжка зачитана буквально до дыр, но дочка снова и снова просит меня читать смешные и милые истории Джоэля Харриса. А я и не против, когда-то я тоже предпочитала сказки дядюшки Римуса историям про прекрасных принцев.

У Аришки слипаются глазки, я гашу свет, оставляя лишь тусклый ночник у изголовья и спускаюсь в столовую. Молча убираю со стола и складываю тарелки в посудомойку. Муж касается моего плеча:

— Лад, ну кисуль, не дуйся.

Смахиваю его руку.

— До чего же ты упрямая, — он тяжело вздыхает. — Ну скажи, чего тебе не хватает?

Я поворачиваюсь к нему.

— Кирилл, я хочу работать по своей специальности, мне это интересно.

— Ты хоть понимаешь, что студенты — это не первоклашки, которые учительнице в рот смотрят. Среди них есть наглые, надменные, детишки богатых родителей, которые преподавателей ни во что не ставят.

— Тем интереснее, мне кажется я смогу донести до них свой предмет, рассказать про инженерное искусство древней Греции, русскую архитектуру, готику, ренессанс...

— Да плевать им на твои готику и ренессанс, будешь приходить домой уставшая и издерганная. Ты разочаруешься в профессии, Лада!

— Я не смогу разочароваться, если не попробую. А если это все-таки произойдет, обещаю, я брошу все и засяду дома.

— Ну хорошо, я устал с тобой спорить, попробуй, но, если я хоть раз увижу тебя в плохом настроении, ты немедленно уволишься. Нервотрепки мне хватает на работе, а дома мне нужны спокойствие, уют, вкусный ужин и любящая жена. И выслушивать твои жалобы про великовозрастных лентяев и хамов я не буду.

— Обещаю, дорогой, тебе и не придется, все будет как раньше и семья всегда будет для меня на первом месте.

— Ладно, мы только попробуем и, если мне что-нибудь не понравится...

— Спасибо, милый, — я не даю ему договорить и целую в небритую щеку.

«Я», «мне», эгоист, блин. Но я все равно рада, хоть маленькая, но победа. Я поворачиваюсь, чтобы включить посудомойку.

— Ну нет, кисуля, так легко ты от меня не отделаешься. Поцелуй это не то, на что я рассчитываю сегодня.

Он разворачивает меня, легко подхватывает за талию и сажает на столешницу, вклинивается между ног, обхватывает мою голову руками и впивается в губы. Муж всегда чуть грубоват, но мне нравится чувствовать его силу, напор, страсть. Меня это возбуждает. Я рывком снимаю с него футболку и провожу ладонями по накаченным мускулам на предплечьях.

— А на что ты рассчитываешь, дорогой?

— Сейчас узнаешь, детка.

Утром я встаю пораньше и иду в душ, потом наношу легкий макияж, накидываю халатик и спускаюсь вниз. Надо покормить мужа и дочку, и ехать в универ. Я жутко волнуюсь, Кирилл в чем-то прав, студенты народ непредсказуемый, как они отнесутся к девчонке, которая еще недавно была на их месте? Но я оптимист и надеюсь, что смогу найти с ними общий язык.

На кухне гремит кастрюлями мама.

— Привет, ты чего так рано?

Мать приезжает к нам, когда ей вздумается и меня, если честно, это напрягает.

— Ну должен же кто-то приготовить завтрак в этой семье, — она демонстративно взбивает тесто для блинчиков.

— Мам, у меня есть сырники, сейчас разогрею.

— А почему моя внучка должна есть вчерашние сырники? Между прочим, ты всегда ела только свежее.

Да-да, помню, неизменные хлопья с молоком. Зато свежие. Меня так и подмывает сказать, что ее память рисует какие-то несуществующие картинки, но я сдерживаюсь. Как всегда. Если кто и умеет вывести меня из себя, то это она и, боюсь, хамоватым студентам до нее далеко.

— Бабуля! — Аришка спускается по лестнице, сонно потирая глазик и волоча за собой большого длинноухого плюшевого зайца.

— Солнышко мое! — мать расплывается в улыбке. — А бабушка тебе блинчиков напекла, горяченьких, ты с чем будешь? С вареньем или со сгущенкой?

— Со сгущенкой, — дочка забирается с ногами на стул.

— Привет, Марин, чем так вкусно пахнет? — Кирилл уже в костюме, как всегда, одет с иголочки, гладко выбрит и пахнет дорогим одеколоном.

— Садись, Кирюшенька, сейчас я тебе положу.

Муж целует меня в щеку.

— Кисуль, кофе нальешь?

— Сейчас, — раздраженно включаю кофеварку.

— Давай быстрее, ты же знаешь, у меня совещание.

— Ну вот, а если бы я не приехала, твой муж поехал бы на работу голодным. И она еще собирается преподавать! Да тебе завтрак приготовить некогда. Ничем хорошим эта затея не закончится, помани мое слово. Совсем семью забросишь.

Видю, как хмурится Кирилл. Наливаю ему кофе, а дочке какао с молоком.

— Ариш, доедай и бегом одеваться, сегодня в садике репетиция, помнишь?

— Сейчас, — отвечает она с набитым ртом.

Я поднимаюсь вверх, аппетит пропал напрочь, по дороге куплю что-нибудь перекусить.

— Ладочка, а как же завтрак?

— Я не голодна.

Вот всегда она так, приезжает и выставляет меня лентяйкой и неумехой перед мужем. Как же она меня бесит! Сейчас начнет капать ему на мозги.

Я завожу Аришу в садик и мчусь в университет. Анатолий Степанович ждет меня на кафедре.

— Ладочка, как же я давно тебя не видел, такая красавица стала, совсем взрослая.

Не виделись мы с ним с тех пор, как я закончила этот универ два года назад. А раньше, когда был жив отец, он часто приезжал к нам в гости с женой, веселой полненькой хохотушкой. Его сын учился со мной на одном курсе. Потом уехал за границу и сейчас читает лекции, кажется, в Америке или где-то еще, в общем, я уже не помню.

— Я дам тебе пока четверть ставки, шесть часов в неделю, по две пары во вторник и четверг.

- Отлично.
- Пойдем, познакомлю тебя с коллегами.

Глава 5. Ник. Драка в клубе

Мы заваливаем в боулинг, здесь полно народа, в зале шумно, над дорожками горят огни.

— Марик, возьми нам пивка, разомнемся для начала.

Сажусь за стол, настроения — ноль.

— Ты чего такой хмурый? — Влад смотрит обеспокоенно.

— Задолбали все.

— Да не парься ты, — он берет шар, тот катится криво и почти утыкается в желоб. — Эх, первый блин комом.

Марик приносит три кружки пенного, я делаю несколько глотков, Влад прав, пошли все на хрен. Смотрю, как он замахивается и кидает шар. Тот скользит ровно, сбивает семь кеглей. Что ж, неплохо, но до меня им обоим, как до Китая раком. Я выхожу, беру шар, чувствую его вес в ладони, делаю пару шагов, плавно отпускаю, он летит к цели, будто намагниченный. Страйк! Кегли разлетаются с громким стуком.

— Вот это бросок! — вижу восхищенный взгляд Влада, да и не только его. Девчонка у соседней дорожки тоже смотрит на меня. Невысокая, в облегающем чёрном топе и джинсах, волосы собраны в небрежный пучок. Ничего такая. Я подмигиваю. Никаких лишних телодвижений, сама подойдет.

— Привет! Ты здорово бросаешь, может научишь меня?

— Конечно, крошка. Только в другой раз, сегодня я занят.

— Ладно, — она мнетя, а я улыбаюсь той самой улыбкой, от которой они все тают, как пломбир на солнце. — Позвонишь мне?

— Не вопрос.

Она торопливо пишет номер на вырванном из блокнота листке.

— Вот, я буду ждать.

Жди, крошка. Я возвращаюсь к столику.

— Как тебе это удается? — Влад потягивает пиво.

— Да они к нему сами липнут, как мотыльки на огонь слетаются, да, братан? — Марик хлопает меня по плечу. — Позвонишь ей? Не боишься, что Лерка узнает?

— Да у него этих Лерок полгорода, — гогочет Влад.

— Дарю, — бросаю ему листок. — Она не в моем вкусе.

После боулинга едем в Маяк, мой любимый клуб, девчонки здесь — огонь. Официантка приносит коньяк и закуски.

— За нас, пацаны, — я опрокидываю первую рюмку, чувствую, как крепкая жидкость обжигает горло.

— В субботу гонка, — Марик смотрит на меня. — Готов к отпущению, сын мой?

— А то! На неделе отгоню тачку к Палычу, пусть поколдует над ней.

— О да, Палыч — бог! Он мне в прошлом месяце на байк новый карбюратор установил, теперь мой аппарат летает быстрее ветра.

— Ты поосторожнее со своим аппаратом.

— Да брось, я заговоренный.

Марик наливает коньяк, а я разглядываю телок на танцполе.

— Смотри, Ворон, вон та вроде ничего.

— Какая?

— Ну вон, в белом топе, с буферами.

— Какая малышка, думаешь, ей уже можно?

— Думаю, ей уже нужно, — Влад ржет, а я встаю и иду в гущу танцующей толпы.

— Привет, — окидываю красотку внимательным взглядом, грудь и бедра зачетные, — потанцуем?

Она пожимает плечами.

— Как хочешь.

Хочу, милая, я много чего хочу и желательно побыстрее. Привлекаю ее к себе, она слабо сопротивляется.

— Может, продолжим знакомство в другом месте?

— Не могу, у меня парень есть, — она кокетливо улыбается, и я понимаю, кто бы ни был этот чувак, он нам не помеха.

Поглаживаю ладонями крепкую задницу, резко прижимаю к своему паху, я уже возбудился от ее роскошных рельефов, двигаемся в такт музыке.

— Танец, это не измена, детка, — шепчу ей на ухо.

Кто-то резко хватается меня за плечо.

— А ну отошел от нее, Ворон, тебе своих телок мало?

О, а вот и наш Ромео. Он с меня ростом, крепкий, жилистый, желваки играют на скулах от злости, лицо знакомое, но имени я не помню.

— Остынь, — ухмыляюсь я, предвкушая горячий вечерок, мне надо выпустить пар, и я готов сейчас набить морду любому, повод мне для этого не нужен, но тебе, придурок, я его дам.

Впиваюсь в губы этой малышки обжигающим влажным поцелуем. Она от неожиданности замирает на месте, а мне в плечо летит разъяренный кулак, разворачиваюсь и бью незадачливого ухажера в челюсть. Я уже завелся, руки сами собой привычно сжались в кулаки.

Танцпол за считанные минуты превращается в боксерский ринг, я не знаю пощады и навешиваю дебилу удары один за другим, пока не отправляю его в нокаут. Ну, кто следующий? Ко мне на выручку спешат разгоряченные спиртным Марик с Владом, этим чувакам только дай волю, все мы не прочь порезвиться. Вокруг локально возникают стычки и вскоре в клубе завязывается кровавая бойня, дерутся все со всеми, не разбирая, где свои, где чужие. На меня сыплются удары, но мне плевать.

Я дерусь жёстко, без оглядки: локоть в корпус, короткий апперкот, ещё один боковой. Ярость и адреналин кипят внутри, я не чувствую боли, только злость и уверенность: я не позволю никому перечить мне! Вокруг хаос. Девчонки визжат, кто-то кричит: «Разнимите их!», кто-то снимает на телефон. Столик рядом опрокидывается с грохотом, бокалы летят на пол и разбиваются вдребезги. Мы с каким-то парнем отлетаем к стене, я толкаю его, он врывается в полку с бутылками и те со звоном валятся вниз.

— Вы что творите, уроды?! — испуганно орёт бармен, но мне все равно.

Влад и Марик пытаются нас разнять, слишком поздно, я уже вошел во вкус. Из разбитой губы сочится кровь, ловлю момент, делаю подсечку, парень теряет равновесие и падает, но тут же вскакивает.

— Ну всё, ты покойник! — шипит он, бросаясь снова.

Я нагло ухмыляюсь, поговори мне еще, придурок. Внутри всё горит, дурная энергия нашла выход и теперь меня не остановить. Чувак замахивается, я блокирую его выпад, резко разворачиваюсь и наношу мощный удар в живот. Парень сгибается, хватается за бок. На секунду замирает, потом выпрямляется и смотрит на меня с ненавистью.

Сквозь толпу к нам пробивается охрана, раскидывая встречные тела.

— Ник, сматываемся! — кричит Марик.

Поздно, снаружи раздается вой сирены.

В зал врываются полицейские, слышны глухие звуки резиновых дубинок. Один из полицейских хватается меня за руку.

— Пусти, урод!

— Спокойно, угомонись!

— Ты знаешь, кто я?

— Знаю, задержанный за драку в общественном месте.
На моих запястьях защелкиваются наручники.

Глава 6. Ник. Ваш выход, Лада Борисовна

Пытаюсь оттолкнуть полицейского, тот едва удерживает равновесие.

— В машину всех. Там разберемся.

Нас ведут к выходу. Влад, Марик, избитый Ромео и еще несколько чуваков понуро выходят из клуба. На улице прохладно, ветер треплет мои волосы, отрезвляет немного. Но я всё ещё киплю внутри.

— Бро, ну ты даёшь... — шепчет Марик. — Может, не стоило так жёстко?

— Да брось, круто же повеселились.

— Эй, сержант! — кричу я через окно. — Не боишься нарваться на неприятности?

Полицейский поворачивается ко мне, устало качает головой:

— Заткнись, дебил малолетний, и прекрати угрожать представителям власти. Это только усугубит твоё положение.

— Я не угрожаю! Я предупреждаю! — продолжаю я, хотя голос уже немного садится.

Влад толкает меня в бок.

— Хорошо, Ворон, а то ещё и за сопротивление при задержании добавят...

— Да пофиг.

Сидим в обезьяннике, кто на лавках, кто на полу, воздух спертый, пахнет потом, я уже остыл и устало смотрю в одну точку.

— Воронов, на выход.

Меня выводят из камеры и снимают наручники. Захожу в кабинет, отец о чём-то вполголоса разговаривает со следователем, даже взглядом меня не достаивает.

— Хорошо, Валерий Сергеевич, — полицейский жмет ему руку, — а вы, молодой человек, подпишите протокол. На это раз вы отделались штрафом, благодарите своего отца.

Я расписываюсь и отвешиваю предку земной поклон.

— Хватит паясничать, Никита, и иди в машину.

— Без ребят не пойду.

— Их сейчас тоже отпустят.

Все выходим на ночную улицу, и я вдыхаю полной грудью воздух свободы.

— Вы, трое, в машину, — бросает отец на ходу. Мы завозим Марика и Влада и едем домой.

Всю дорогу он молчит и это не предвещает ничего хорошего. Вижу в зеркале заднего вида его взгляд, тяжелый, осуждающий. Заходим в дом. Матушка бросается ко мне.

— Кто тебя так, сыночек?

— Ничего особенного, ма, просто драка в клубе.

— Ты знаешь, во сколько мне обошлась ваша драка? — отец сжимает кулаки, и я понимаю, что если бы не мать, он с удовольствием врезал бы мне сейчас. — Деньги будут вычтены из твоего содержания.

— Валера! — мама смотрит на него укоризненно. — Зачем ты так? Надо сначала разобраться, кто зачинщик, а уже потом...

— Так вот же он, — отец показывает на меня рукой. — Полюбуйся.

Утро встречает меня тяжёлой головой, саднящей губой и болью в плече. Я нехотя вылезаю из-под одеяла и выглядываю в окно, улица залита бледным солнечным светом, но на душе почему-то погано. Спускаюсь вниз, отец сидит за столом, пьёт кофе и что-то пишет в телефоне. На меня ноль внимания, даже не поднимает глаз, когда я вхожу. Тишина такая густая, что её можно резать ножом. Он молча встает и уходит, а я получаю сообщение из банка: «Ваш лимит по карте ограничен до...» Что? Да это козел совсем рехнулся на старости лет?

— Сыночек, что ты хочешь к чаю?
На кухне появляется матушка, обнимает меня.
— Не знаю, сделай бутерброды с колбасой.
— Это же сплошной холестерин.
— Может быть, он мне необходим сейчас.
— Ладно, милый, не горячись, сделаю.
Она наливает мне чай и смотрит на разбитую губу.
— Родной, будь поаккуратней, у меня сердце кровью обливается.
— Я просто защищался, мам.
— Ты мой раненный герой, — она целует меня в макушку.
— Видела, что отец сделал? Ограничил мне лимит! За что он так меня ненавидит? Будто сам в молодости не дрался!
— Не переживай, он успокоится и все будет хорошо, а пока я сама буду переводить тебе деньги.
— Спасибо, мамуль.
— Ну не могу же я позволить ему обречь тебя на нищенское существование.
Ну разве она не ангел?

Еду к третьей паре, если честно, я вообще не хотел сегодня выходить из дома, но мне интересно посмотреть на новую преподашу. В городе застаю в пробке и, естественно, опаздываю. Заваливаю в аудиторию. Лекция уже идет.

— Добрый день, — молодая женщина смотрит на меня с легкой улыбкой. — Благодарю, что все-таки удостоили нас своим присутствием. Меня зовут Лада Борисовна.

— Благодарность я принимаю только в материальном эквиваленте, позже скину реквизиты своей карты. Кстати, меня зовут Никита.

Марик с Владом ржут, смотрю на их живописные лица после вчерашней драки. У Влада один глаз почти совсем заплыл.

— Я буду иметь ввиду, Воронов, а теперь можете сесть.

Не понял, я что спрашивал у нее разрешения? Как обычно закидываю ноги на стул и откидываюсь на спинку. Разглядываю ее беззастенчиво, откровенно, с тем самым интересом, который мои предки обычно называют неприличным. Мой взгляд скользит по линии шеи, по фигуре, задерживается на лице, нахальный, оценивающий. Молодая, красивая, стройная, грудь, правда, маловата на мой вкус, аккуратная причёска, строгий, но подчёркивающий достоинства костюм. Взгляд цепкий, уверенный.

— Сегодня мы говорим о готической архитектуре и её влиянии на последующие стили. Возьмем для примера собор НотрДам-де-Пари...

Она поворачивается к доске, а я отмечаю про себя, что у нее отменная задница, туго обтянутая строгой классической юбкой. Задрать бы ее сейчас и наклонить над столом. Преподаша рисует на доске схему фасада собора, объясняет про вертикальность композиции. Но, если она думает, что лекция пойдет по заранее намеченному плану, то сильно ошибается.

— Извините, — я поднимаю руку. — А правда, что готические соборы строили с намёком на... мужские достоинства? Ну, эти шпили, они же явно что-то символизируют, да?

Аудитория замирает. Ваш выход, Лада Борисовна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.